

Бѣда въ томъ, что для олицетворенія во внѣ, въ художественной формѣ собственного отвлеченаго желанія быть лучшемъ въ моральномъ смыслѣ, можетъ быть съ художественной точки зрењія соблюдено все для полноты дѣйствія на читателей, но главное все таки будетъ отсутствовать: объективная наличность чего либо подобнаго, какъ видимаго, въ окружающихъ насть лицахъ и жизни. Оно, желаніе это, остается, вѣдь, всегда работой внутренней,—отвлеченной и глубже всѣхъ затаеной въ душѣ человѣка и потому наимѣнѣе доступной наблюденію: каждый сознаетъ ее про себя, но рѣдко обнаруживаетъ это сознаніе по различнымъ практическимъ соображеніямъ.

И вотъ, въ этомъ-то пунктѣ, талантъ гр. Толстого всегда сталкивался съ «тенденціозностью»,—столкновеніе, разрѣшившееся, большею частью, въ ущербъ правдивости его изображеній. Когда Громека писалъ, въ своемъ этюдѣ, по поводу Левина, выставленного будто у гр. Толстого въ нѣсколько комичномъ свѣтѣ, что «переходъ отъ разсудочнаго міросозерцанія къ міросозерцанію религіозному (идею котораго авторъ воплотилъ-де въ Левинѣ), слишкомъ серьезна, чтобы можно было позволять себѣ выставлять лицо, воплощающее его, хоть въ скольконибудь нибудь смѣшномъ видѣ»,—онъ напрасно приписывалъ графу Толстому то, чего у него и въ мысляхъ не было. Напротивъ, можно скорѣе сказать, что гр. Толстой отдалъ на Левина весь запасъ своей искренности, эстетической серьезности и правдивости, но не его была вина, если комичнымъ для читателей оказалось въ Левинѣ, какъ мы увѣрены, вовсе не самая идея этическаго развитія, а запоздалость этого факта, когда мы видимъ почтенаго автора рисующимъ передъ нами восторженнаго 40-лѣтняго почтеннаго помѣщика—въ его «божественномъ»